

БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК ВЕРНУТЬСЯ

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

январский вечер синий снег
по снегу белый человек
когда отбросит тень свою
скользнет как бабочка в раю
и моего окна проем
и неба край и дворник в нем
его лопата в облаках
и треугольник молока -
все вдруг качнется оживет
начнет колоть по крышам лед
он заискрится захрустит
по снегу бабочка скользит

...под землей
на перегоне в метро в час пик
невысокий седой человек
в старомодном плаще —
мой отец
стоял в другом конце вагона
и чей-то локоть
мешал разглядеть его
как следует

я помнил его таким
с детства — темный
взгляд из-под бровей
синева на щеках
очки на цепочке газетка
берет который
я донашивал в школе
и этот взгляд в себя
когда внутри
сведишь за поплавком

(наверное, так
устроена мысль)

я помню дернулся
— отец! — хотел окликнуть
или как в детстве — папа! —
но двери открылись
толпа схлынула
поплавок исчез

...снег снег снег
мокрый снег слетал медленно
и тут же таял не оставляя
следа словно
сквозь асфальт

про-ва-ли-вал-ся

мои мысли

были похожи на этот снег
тоже ниоткуда слетали
и тоже без следа
падали

снег падал —
я поднимался
и машины поднимались
и дома над подвалами
и деревья которые
больше не держались
за корни
поднимались тоже

(наверное, так
устроена память)

за тридцать лет до этого
мой отец умер

препраздного ума мятущаяся втуне
железная блоха, которую не в туле
подковывал какой-нибудь левша
предержостный, а там же, где душа —
теперь снимай пудовые коньки,
куда глаза глядят — давай беги,
гуляй, пока свободна и бедна,
отныне на тебе нет ни пятна

псков

блаженный федор и юродивый андрей
на свалке ржавых пару батарей
нашли и вниз к реке тащили,
впрягшись в коляску детскую в четыре
копыта, в кеды рваные обутых,
по красных партизан к фоме в запрудах –
теперь, сказал блаженный, заживем
в тепле, накроем стол, за стол сзовем
timoшку одноглазого, и лавра,
и мавру-бабу, хоть она и лярва –
пусть лишнего возьмет на грудь фома,
нам не страшна голубушка-зима
(это говорил юродивому блаженный),
а тот молчал, он был глухой по ходу,
потом они спустили груз на воду
и вниз на батареях отошли,
воды речной не трогая почти,
андрей смотрел вперед,
другой был сзади –
коляску без колес они не взяли

диоген – кратету

если хочешь, кратет, ты философом стать настоящим,
не гнушайся у статуй с агоры просить подаянье,
испытание это, клянусь тебе, будет уроком,
люди ведь часто бывают бесчувственной статуей,
бросят монету, в ком душу родную увидят,
евнуху, а не философу подадут, и кинеду,
если фиги сушеные есть – присылай мне

кратет – неизвестному

пишешь ты, позорно быть погребенным
вдали от земли своих предков –
но сам подумай,
сожгут ли в фивах тебя на костре погребальном
или тело собаки сожрут на чужбине –
разве лодка харона только из фив в аид перевозит?
помни, только те души, что не были в жизни привязаны к телу,
почет обретают в аиде,
хлеба и плащ присылай, много не медля

неизвестный – кратету

как сказал диоген, мудрецу помогая, ты жертвуешь
тем, кто с олимпа, ведь боги друзья с мудрецами,
ныне, однако, мне нечего выслать кратету,
где придется живу я и тем, что в котомке, питаюсь,
не имею запасов и планов на завтра не строю
и давно вместо женщин рукой обхожусь волопаса –
кто в дырявом плаще, разве страшен царю и народу?
кем я стал, если сплю, что ни ночь, на солومه?

кратет – неизвестному

ты стал философ

А. Б.

вот и зима, и земля из-под ног
столбики света роняет на воздух,
черный по небу скользит поводок,
тянет состав электричка на отдых -
нет ничего и не надо жалеть,
кроме трамваев твоих перезвона,
царских орлов почерневшая медь
лишняя тяжесть на лодке харона -
снегом засыпан вокзальный казан,
мир замирает на ножке штатива,
только один дребезжащий стакан
едет и едет за край объектива

что хочет человек и что он ждет,
когда внутри него уже не жжет,
а звякает негромко, равномерно,
как пряжка на моем ремне, наверно, -
что видит он, когда он видит дом
над лесом и рекой, окно и в нем
себя, рукой дрожащей чашку чая
сжимавшего, затем что жизнь такая,
что вот она - а завтра ее нет,
потом он выключает в доме свет,
и дерево придвинулось вплотную,
затем что жизнь - отверстие в иную,
где тот же снег висит на волоске
тобой еще не тронутой тоске

страшна не ночь, но немочь
и голоса незвук,
не пустота, но мелочь
и суета вокруг -
не темнота, но мука
загубленной души
у вечности безрукой
точить карандаши

вот попугай на темной ветке
он здесь давно уже сидит
наверно вылетел из клетки
неразговорчив и сердит
осенний дождь сменяет вьюга
и жизнь меняет адреса
а он как будто в центре круга
точнее в центре колеса
и чем быстрее вращает спицы
на втулке велосипедист
тем меньше в нем от глупой птицы
и громче звук точнее свист